

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
МАРИИ ЛИПМАН и
НИКОЛАЯ ПЕТРОВА

РОССИЯ 2020

Сценарии
развития

УДК 330
ББК 65.01
P76

Russia-2020: Scenarios for the Future.

Электронная версия: <http://www.carnegie.ru/publications>.

Книга подготовлена в рамках программы, осуществляемой некоммерческой неправительственной исследовательской организацией — Московским Центром Карнеги при поддержке благотворительного фонда Carnegie Corporation of New York, Charles Stewart Mott Foundation, Open Society Institute, Oak Foundation.

В книге отражены личные взгляды авторов, которые не должны рассматриваться как точка зрения Фонда Карнеги за Международный Мир или Московского Центра Карнеги.

Россия-2020: Сценарии развития / под ред. М. Липман и Н. Петрова ; Моск. Центр Карнеги. — М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. — 588 с.

ISBN 978-5-8243-1675-9

Книга представляет собой уникальный пример комплексного многомерного анализа перспектив развития страны на десятилетнюю перспективу, выполненного международной командой авторитетных исследователей. Среди рассматриваемых сюжетов: «Россия и мир», «Политэкономия и экономика», «Политическая система, партии», «Государство, политические элиты», «Федерализм, регионы», «Общественные процессы и гражданское общество». Придать картине объем призваны не только разнообразие сюжетов, а также разнообразие подходов трех десятков участников проекта, но и создание «стереопара», когда каждый сюжет раскрывается двумя независимыми исследователями — отечественным и западным.

УДК 330
ББК 65.01

СОДЕРЖАНИЕ

ОБ АВТОРАХ	11
ВВЕДЕНИЕ. РОССИЯ-2020: СЦЕНАРИИ РАЗВИТИЯ Мария Липман, Николай Петров	13
I. РОССИЯ В МИРЕ	
<i>Глава 1.</i> РОССИЯ И ОСТАЛЬНОЙ МИР Томас Грэм	19
<i>Глава 2.</i> РОССИЯ В МИРОСИСТЕМНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ Георгий Дерлугьян, Иммануил Валлерстайн	39
<i>Глава 3.</i> ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИИ Дмитрий Тренин	59
<i>Глава 4.</i> МИР НЕПРЕДНАМЕРЕННЫХ ПОСЛЕДСТВИЙ, ИЛИ ЗАКОН И ПОРЯДОК МЁРФИ Федор Лукьянов	77
<i>Глава 5.</i> РОССИЯ И НОВАЯ «ПРОМЕЖУТОЧНАЯ» ЕВРОПА Аркадий Мошес	95
<i>Глава 6.</i> ЮЖНЫЙ КАВКАЗ-2020 Томас де Ваал	113
II. ПОЛИТЭКОНОМИЯ И ЭКОНОМИКА	
<i>Глава 7.</i> ГИПОТЕЗА ТРЕТЬЕГО ЦИКЛА Кирилл Рогов	129
<i>Глава 8.</i> ПОЛИТЭКОНОМИЯ РОССИЙСКОГО РАЗВИТИЯ Дэниэл Трейсман	151
<i>Глава 9.</i> РОССИЙСКАЯ ЭКОНОМИКА: КАК СЛЕЗТЬ С «СЫРЬЕВОЙ ИГЛЫ» Клиффорд Гэдди, Барри У. Икес	167

НОМЕНКЛАТУРА и ЭЛИТА

Николай Петров

Личностное (персональное) измерение происходящих в России процессов представляется одним из ключевых для понимания перспектив развития страны. В настоящей статье предпринята попытка показать, что, во-первых, в этой сфере происходят большие изменения, а во-вторых, эти изменения часто оказываются разнонаправленными на федеральном и региональном уровнях. Если в первом случае основная тенденция — превращение управленческих кадров в правящие элиты, то во втором ситуация обратная.

Заведомо упрощая, нынешнюю картину можно описать как межумочное состояние между двумя кадровыми моделями: номенклатурой и элитой¹. Нынешняя российская система многое унаследовала от советской, номенклатурной, и сохраняет с ней определенное сходство. Однако в настоящее время отсутствуют ресурсы для репрессий, а без этого «кнута», т. е. без внешнего механизма контроля и селекции, сегодняшняя «номенклатура» неизбежно трансформируется в сторону элиты.

Принципиальным отличием новой системы от советской является то, что чекистская составляющая поглощает все остальные. Это приводит к резкому ослаблению внутреннего контроля и правовому релятивизму с усилением черт криминального государства.

Инерционный сценарий с накоплением имеющихся проблем и конфликтов ведет к углублению противоречий между чертами номенклатуры и элиты и в результате к обвалу системы.

Само понятие элиты применительно к современной России принимают далеко не все. Есть точка зрения, согласно которой в результате усеконовения элиты, осуществленного дважды за последнее столетие, российское общество осталось без элиты вовсе. Многие эксперты применительно к современной России предпочитают говорить о «так называемых элитах».

Не вдаваясь в обсуждение того, насколько российские элиты укоренены и хороши, насколько являются «сливками общества», на какую

роль претендуют они сами, насколько общество принимает их в этой роли и т. д., будем исходить из функционального определения понятия «элита». В соответствии с ним принадлежность к элите устанавливается по факту наличия у индивидуумов власти и влияния, без жесткой привязки к их интеллекту и морально-этическим качествам. В подавляющем большинстве случаев при таком подходе элита определяется положением в административной системе. Нынешнюю российскую элиту таким образом, можно называть «начальниками»².

Тотальная замена элит («из грязи в князи» и наоборот) случилась за последнее столетие не однажды, явно слишком много для страны. И дело здесь не только в персонах — происходит утрата механизмов воспроизводства и ответственности. Возникает «эффект повторной вырубki», когда на месте сведенного хорошего леса вырастает мелколесье, а то и сорный кустарник. От прежней, дореволюционной элиты ничего практически не осталось ни в стране (по понятным причинам), ни в эмиграции, где в третьем-четвертом поколении произошел полный отрыв от российских корней (в отличие, скажем, от балтийских стран, где второе поколение в заметных масштабах подтянулось домой).

Значительная часть нынешних «начальников» представлена младшим, последним поколением старых советских элит. Это «восьмидесятники», которые наследуют «дедам», — они пришли во власть «без очереди», отодвинув поколение «отцов». Появившись на сцене системы, они оказались одновременно ее могильщиками и наследниками. Их внутренняя организация имеет горизонтальный, корпоративно-клановый характер и лишена корней, уходящих в глубину культурного слоя.

В период перестройки в какой-то момент в публичном и медиальном пространстве появились многочисленные потомки «бывших», новые «дворянские собрания» и др. Казалось, что корпус элиты может обрести разнообразие и восстановить некоторые корни, пусть на символическом уровне. Этого не произошло. Возможно, в силу отрицательного отбора или отсутствия люстраций и слишком большой преемственности постсоветской элиты по отношению к советской. В отличие от стран Балтии и Грузии с Арменией в России не произошла присадка к отечественным элитам выходцев с Запада с российскими корнями.

Вместо восстановления корней мы имеем постмодернистскую картинку довольно противоестественного альянса между старыми и «новыми». «Наследник» дома Романовых Георгий — советник у экзоподполковника КГБ Владимира Стржалковского, который ранее из рук его матери великой княгини Марии Владимировны получил подтверждение своего потомственного дворянства³. Это могло бы показаться курьезом, если бы не рассуждения чекистов о том, что они и есть современное дворянство, и не стремление множества представителей правя-

щей элиты всеми правдами и неправдами заполучить ученые степени и звания, членство в большой и многочисленных «вспомогательных» академиях, самочинное учреждение орденов и т. д.

Принципиальная разница между личной («начальники») и потомственной принадлежностью к элите чрезвычайно важна, поскольку определяет и наличие самостоятельного веса (помимо должностного), и меру ответственности. При этом качество элиты связано с пропорциями между self-made и потомственными фигурами. Плохо, когда «выскочек» совсем нет, еще хуже, когда все — «выскочки».

То, что имеет место сейчас, представляет собой некую разновидность номенклатурной системы, но с ослабленными механизмами внутреннего контроля и воспроизводства и без налаженных механизмов контроля внешнего, который в номенклатурной системе осуществлялся спецслужбами. В 1990-х годах произошли сначала подавление старой системы и ее частичный демонтаж, а потом — частичное восстановление, неопоменклатуризация⁴. Проблема в том, что были восстановлены не все блоки старой системы: прежде всего речь идет о блоках отбора и подготовки кадров, а также воспроизводства. Наблюдалась также адаптация системы к институту частной собственности с выстраиванием механизмов обогащения — конвертации власти в собственность, а также отъема полученной в пользование собственности у нарушителей правил.

Без внешних встрясок и чисток номенклатурная система, не обладающая встроенным механизмом воспроизводства и обновления, а также лишенная защиты от инбридинга, склонна к быстрому вырождению. Что мы и наблюдаем.

Номенклатурная система как она есть

Феномен номенклатурной системы, несмотря на наличие ряда блестящих работ на эту тему⁵, представляется недостаточно изученным.

Номенклатурная система — это особым образом устроенная система рекрутирования, воспроизводства и функционирования кадров. Она представляет собой замкнутый цикл: однажды в нее попав, человек ее не покидает. В известном смысле номенклатурная система — это доведенная до гигантских масштабов и логического совершенства система группового полукриминального контроля над обществом.

Необходимыми и достаточными условиями для номенклатурной системы являются:

- субординационная вертикаль (централизм и иерархичность)⁶ с этапами и наличие «смотрящих» на каждом уровне;

- закрытость на вход и выход;
- кастовость со строгими иерархизированными кодами внутреннего поведения и освобождением от жесткого следования внешним нормам;
- внутренние правила карьерного движения, следование которым является гарантией роста или как минимум сохранения статуса независимо от «внешних» результатов работы.

Если бы при строительстве египетской пирамиды применили современный метод подъема этажей, то мы бы получили конструкцию, очень напоминающую «номенклатурную пирамиду», которая, как известно, растет снизу вверх и обладает прочными горизонтальными и вертикальными связями. Конструкция эта очень устойчива — разрушить пирамиду, вынимая из нее отдельные блоки сверху, сбоку, снизу, практически невозможно. Пирамида разрушится тогда, когда прекратится ее нормальное воспроизводство — рекрутирование новых номенклатурных кадров. Тогда основание начнет сужаться. Исчезнуть же пирамида может лишь при коренном изменении принципов формирования управленческих кадров.

На этажах номенклатурной пирамиды движение осуществляется по горизонтально движущимся дорожкам. Есть и эскалаторы, но только вверх, вниз — нет. С этажа можно выйти наружу — в бизнес, например. Впрочем, не в любой, а в тесно связанный с государственными структурами, при этом связь не обязательно формальная. Вышедший по правилам остается в «действующем резерве», сохраняет возможность входа на тот же или даже более высокий этаж. Постороннему, новичку проникнуть в номенклатуру сбоку, а не снизу, намного сложнее в силу ее корпоративного характера. Подобно клеточной мембране внешней оболочка номенклатурной пирамиды гораздо более открыта на выходе, чем на вход, и, легко пропуская своих, задерживает чужих.

Постсоветская пирамида отличается от советской главным образом наличием пристроенного к ней бизнес-крыла, а также тем, что она встроена во внешний мир — внешний как по отношению к чиновничеству, так и по отношению к самой стране (с переходом на свободную конвертируемую валюту как универсальный эквивалент получаемых благ). Пристройка не только преобразила один из фасадов угрюмого сталинского архитектурного монстра, но и дала возможность маневр, которой раньше не было. Скажем, если в старом здании идет ремонт или перепланировка кабинета, его владелец спокойно пережидает это время в современном офисе, а потом возвращается обратно, оставляя себя в бизнесе кого-нибудь из родных и близких.

Эту пирамиду населяют или, вернее, образуют чиновники — мамисты а также назначенные ими, часто из своих же рядов, бизнесме-

ны, которые в силу происхождения накрепко привязаны к госаппарату и контролируемым им ресурсам.

Нормально функционирующая номенклатурная система нуждается в постоянной ротации кадров. Именно это укрепляет ее и по горизонтали, и по вертикали, позволяя сохранять жесткость конструкции и единство. Особенность системы заключается в том, что она не в состоянии сделать это сама, — без внешних механизмов обновления она быстро деградирует.

Номенклатура — это «государство в государстве» со своими законами (от правил дорожного движения до уголовного кодекса) и нормами поведения, своими сетями магазинов и ателье, автобаз и санаториев... Что касается собственной инфраструктуры, то с переходом номенклатурной системы к капиталистическому варианту нужда в ней уменьшается, а для верхних этажей и вовсе отмирает. Взамен доморощенной номенклатуры получает доступ к инфраструктуре для мировой элиты, куда пропуском служат деньги. Здесь и выбор больше, и к тому же приятнее быть рядом не с соседом по кабинету, а со звездой Голливуда. Кроме того, это гораздо удобнее спецраспределителя с толкотней и пресловутого «дворянских гнезд», мозолящих глаза обывателям.

Четкое следование правилам игры, которые предполагают прежде всего лояльность (системе и начальнику лично), дает гарантии непопечения статуса, непотопляемости. Гарантия трудоустройства с сохранением или повышением статуса — вовсе не благотворительность, как может показаться, а стратегия, эффективная с точки зрения функционирования системы. Для системы важнее стаж пребывания в ней, проверенность и надежность отдельных звеньев как проводников принимаемых наверху решений, а отнюдь не их автономная, индивидуальная эффективность. Укрепление связей между отдельными элементами, превращение их в общероссийские сети, чему служат постоянные перемещения по горизонтали, — тоже важная часть общей стратегии, обеспечивающая единство номенклатурной системы в масштабах всей страны.

Прогтрафившийся по-крупному чиновник может быть задвинут на самый край или даже вовсе сброшен с аппаратной доски в резерв или номенклатурную отставку. Однако при этом он, как правило, не покидает «клуб избранных» окончательно, оставаясь в какой-то мере под защитой системы. Здесь действует своего рода круговая порука наподобие той, что не однажды демонстрировалась депутатами Госдумы, не желавшими «сдавать своих» по запросу Генеральной прокуратуры, только более мощная и эшелонированная. Это не значит, что «кнута» вовсе нет, — система наказывает, и наказывает больно, но обычно не сдает, не отторгает от себя, не выпускает наружу. Не случайно для начальства даже исправительная колония есть своя...

Жизнь номенклатурной системы континуальна, а не дискретна. Тем не менее в ней время от времени происходит реконфигурация, сопряженная с резким усилением внутренней конкурентной борьбы. Можно было наблюдать перед выборным циклом 2007—2008 гг., когда жертвами борьбы вертикалей стали заместитель министра финансов Сергей Сторчак, правая рука главы Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков (ФСНК) генерал Александр Бульбов, а потом и сам глава этого ведомства генерал Виктор Черкесов. В преддверии цикла 2011—2012 гг. номенклатурная борьба вновь интенсифицировалась и стала выплескиваться в публичное пространство.

В рыночном варианте номенклатурные льготы и привилегии заменены «правом на коррупцию», когда извлечение выгоды из служебного положения является нормой и не связано с риском понести наказание. Однако если раньше выплаты и льготы использовались в качестве «подводка», с переходом на рыночные отношения и коррупционную ренту посредственные начальники в номенклатурной системе в значительной степени потеряли прямые рычаги воздействия на подчиненных. Тем не менее, отлучая наказанных от коррупционной ренты, система продолжает держать их на крючке под страхом лишения полученного в прошлом.

В сочетании с большей публичностью и элементами рыночного это создает иллюзию новизны.

Номенклатура при Путине

Номенклатура, как любая другая кадровая система, может работать только в условиях стабильности, поэтому в первые «революционные» годы новой России она была, с одной стороны, нарушена, а с другой — полупарализована и не так заметна. К середине 1990-х годов она в основном восстановилась, а с политической стабилизацией после прихода к власти Путина еще более окрепла и к настоящему времени проявила в полной мере.

Принципиально новым для сегодняшней номенклатурной системы является не просто массовая замена старых кадров людьми «изнутри», что уже случалось прежде⁷, а ликвидация тотального внутреннего контроля на всех уровнях, который в советское время осуществлялся в рамках противостояния двух главных подсистем: партбюрократической и чекистской. Подчинение всех остальных систем чекистской помпидури и резкого ослабления внутреннего контроля имело следствием опасное совмещение в одних руках функций установления правил игры и контроля за их соблюдением. Характерный для спецслужб правовой релятивизм с приматом целесообразности и интракорпоративных понятий

над законностью привел к фактическому стиранию различий между номенклатурной системой и криминалом. В результате вместо закрытого ордена, о котором говорил Сталин⁸, система превратилась в гигантскую полукриминальную группировку.

Причинами усиления номенклатуры при Путине стали наряду с общей стабилизацией восстановление и достраивание поврежденных элементов конструкции. Скажем, полпреды в федеральных округах частично компенсировали ущерб, нанесенный номенклатурной системе введением прямой выборности губернаторов. Избранные губернаторы, выломавшись из номенклатурной системы сами, влияли и на другие ее элементы. Поэтому выборы глав регионов и пришлось отменить, как теперь демонтируют прямые выборы мэров, которые тоже «выламываются» из системы. С восстановлением властных вертикалей политическая система прошла точку бифуркации, и развитие пошло по номенклатурному сценарию.

Номенклатурная система — это прежде всего контроль за всеми властными позициями, прямо или опосредованно из единого центра, и неважно, называется он ЦК КПСС или администрация президента. Вынесение серьезных кадровых решений вовне, за пределы аппарата, будь то реальное конкурсное замещение должностей или, скажем, формирование правительства парламентским большинством, подлинная независимость суда от любых уровней номенклатуры, — ослабляет и в конечном счете разрушает номенклатурную систему. Реальная, недекоративная демократия номенклатуре противопоказана.

По сравнению с советским временем в сегодняшней номенклатурной системе больше динамизма, отраслевого и территориального перемешивания, меньше стабильности и стадийности — закономерных фаз карьерного роста. Многие ее представители возникают ниоткуда, из чьих-то персональных сетей — и уходят, правда, не столько в никуда, сколько в бизнес.

Номенклатура — это своего рода армия, в ней каждый отдельный человек — не личность, а функция. В номенклатурной системе важнее всего четкость и послушность, следование уставу внутренней службы. В системе кадровых назначений последних лет эта составляющая более чем очевидна. В полной мере просматривается она и в комплектации думского большинства, и еще более — в формировании руководящего звена «Единой России».

Номенклатурная система не боится влиятельных институтов, но только в той мере, в какой они остаются зависимыми. В этом смысле закономерно, что при Путине были последовательно ослаблены все относительно независимые политические игроки кроме самого президента — Госдума, Совет Федерации, олигархи, губернаторы. Равным образом закономерно появление и усиление игроков, чья роль определяется не

Конституцией, а лично ее гарантом: Совета безопасности на начальном этапе, полномочных представителей президента в федеральных округах, Госсовета, Счетной палаты. Их присутствие в политическом пространстве свидетельствует об укреплении позиций номенклатуры.

Номенклатурная система не боится и собственников, но лишь если они зависят от власти, ею назначаются и переназначаются. В новых условиях суд становится все более важным инструментом номенклатурной системы как средство перераспределения собственности и власти. Поэтому никакая судебная реформа, осуществляемая действующим режимом, в принципе не может укрепить независимость суда.

Михаил Горбачев запустил процесс разрушения номенклатурной системы, Борис Ельцин вынул из нее идеологический стержень и поставил ее на верхних этажах, частично утратив контроль над нижними. В результате пирамида утратила цельность и монолитность, а на региональном уровне сформировались свои собственные маленькие пирамидки. При Путине пирамида восстановилась в целом, однако с ограниченной функциональностью: в ней нет системообразующего дуализма, в основе которого наличие двух жестко конкурентных систем власти и управления: административно-партийной и чекистской. Кроме того, в сегодняшней системе отсутствует работающий блок воспроизводства.

Проблема кадров

Подход к проблеме кадров — наглядное свидетельство того, как власть ищет и находит максимально простые до примитивности решения, причем зачастую они оказываются неадекватными сложности ситуации. Столкнувшись с нехваткой кадров, руководство не стало устанавливать механизмы, которые обеспечивают их воспроизводство, вместо этого был избран номенклатурный подход так называемого кадрового резерва.

Президентские программы подготовки кадров были запущены еще при Ельцине. Активизация работы по подготовке кадрового резерва — сначала «Единой России», а потом президентского — совпала с резким сокращением пространства публичной политики и дальнейшим усилением роли государства во всех сферах. Примером того, как это выглядит на практике, может служить обнародованная в начале 2009 г. схема кадрового резерва президента, которая произвела благоприятное впечатление и на экспертов, и на общественность⁹. «Кадровые резервы» — президентский и «Единой России» — это попытка решить проблему, но осуществляемая негодными способами, с помощью пресловутого ручного управления.

По сравнению с формированием президентского резерва подбор кадров в исполнении нового мэра Москвы Собянина выглядит иначе не как нарушение принятых в системе норм. «Подбор команды московской не идет по личному знакомству, — говорит Собянин, — куда пришли люди, с которыми я вообще не был знаком до прихода в Москву. И, кстати, такая же была ситуация и в Тюмени, и такая же ситуация в аппарате правительства. Я приглашал людей не потому, что они мои односельчане или однокурсники, или друзья, а совершенно по другому принципу. Я их подбираю по профессиональному признаку»¹⁰.

Итак, вместо публичного механизма — оглашение результатов публичной процедуры. Любой «кадровый резерв» — не более чем декларация о намерениях. Неэффективная система не в состоянии эффективно подбирать кадры. Подобная постановка задачи напоминает барона Мюнхгаузена, вытаскивающего себя из болота за волосы. Проблема не в том, что механизма отбора нет, он есть, но неэффективный или даже контрпродуктивный. Ярче всего это проявляется при назначении губернаторов, поскольку их провалы нагляднее и очевиднее, чем неэффективность в недрах бюрократического аппарата. В ряду откровенно неудачных назначений можно назвать Иркутскую область и Дальний Восток, где менять губернаторов пришлось, не дожидаясь окончания их полномочий¹¹.

Люди, которые сидят сейчас на разных позициях, могут быть хороши, но дело не в этом: само устройство системы таково, что эти люди не могут образовать эффективно действующий механизм.

Одной из причин кадрового голода является отсутствие публичной политики как действенного механизма отбора и подготовки кадров в форме выборов, политической конкуренции и пр. Другой не менее важной причиной является отрицательный отбор, когда система выбирает лучших, но относительно самостоятельных игроков и оставляет худших, но абсолютно лояльных. Люди, подобные Борису Немцову, Владимиру Милову, Владимиру Рыжкову, Михаилу Касьянову, остаются за бортом, поскольку система попросту отторгает тех, кто обладает личным весом и определенной автономностью, тех, кто составляет элиту, а не номенклатуру. Помимо перечисленных оппозиционных политиков к числу отторгнутых самостоятельных игроков можно отнести трех губернаторов-«тяжеловесов», которые, как к ним не относиться, были объективно сильными лидерами.

В кадровых подвижках последнего времени резко вырос элемент семейственности. Помимо того, что это явление свидетельствует о разрыве связи и времен, и корпораций, а также об архаизации системы, оно также является фактором разрушения номенклатурной системы, ее превращения в элиту. Иллюстрациями могут служить братья Дубинки¹², отец и сын Турчаки¹³, отец и сыновья Воробьевы¹⁴, тесть и зять

Зубков и Сердюков, супруги Виктор Христенко — Татьяна Голикова, братья Ротенберги...¹⁵

Обилие родственников отражает не только кадровое предложение и спрос: нехватку людей, на которых можно положиться в условиях отсутствия системы отбора и подготовки кадров вроде того же комсомола. Одновременно это свидетельство кризиса номенклатурной системы.

Номенклатура vs элита

В отличие от саморазвивающейся и самоподдерживающейся системы управленческой элиты для поддержки номенклатурной системы требуются постоянные внешние усилия. Чтобы номенклатура не превращалась в элиту, с ней надо обращаться, как с парком: все время обрезать деревья, заменяя старые и больные на новые, и т. д.

Суть элиты — в воспроизводстве, в передаче ресурсов, положений, чувства ответственности. Необходимым условием при этом является относительная стабильность социально-экономических условий и социальной стратификации.

Революционная смена политической модели в конце 1980-х — начале 1990-х годов имела результатом резкое ослабление преемственности. Даже если конкретные персоны оставались у рычагов управления, институты были сломаны, а значит, нарушилась преемственность. Если сначала произошло взламывание кастового элитного пространства и «впрыскивание новой крови» в лице представителей вузовской и научно-технической интеллигенции, военных, журналистов, то потом ситуация стабилизировалась: система либо их инкорпорировала, заставив принять свои правила игры, либо исторгла. Сегодня в верхнем эшелоне политической элиты уже практически не осталось тех, кто был инкорпорирован в посткоммунистическую Россию из позднего советского призыва¹⁶.

«Новая власть», как «новые деньги»¹⁷, не дает автоматически обладателю чувства ответственности — даже узкокорпоративной и тем более общесистемной. Для ее представителей характерна психология временщиков: отсутствие интереса к воспроизводству системы, к ее развитию в длинную. Социальная ткань такой элиты свежа и неглубока — в ней мало или совсем нет устойчивых межпоколенческих связей, она не поддерживается временем. В сегодняшней элите из недолжных фигур, которые сохраняют влияние, не имея «портфеля», можно назвать, пожалуй, лишь Александра Волошина, Евгения Ясина, Евгения Примакова...

Поведение элит определяется двойной системой координат. Во-первых, внешние нормы и рамки — со стороны общества, и внутренние — со стороны корпорации. Есть закон внешний (для всех) и внутренний (по

тия). Пребывающие в номенклатурной системе имеют иммунитет от наказания за нарушение внешних норм и правил, если, однако, нарушения не затрагивают более высокопоставленных представителей номенклатурной системы¹⁸. Нарушители корпоративных правил превращаются в изгоев и подпадают под общий закон¹⁹. Нынешний внутренний закон скроен скорее для удобства функционирования существующих элит, чем для их воспроизводства и самосохранения.

Выводя своих представителей и себя самое за рамки общего закона, номенклатурная система приобретает сходство с криминальным миром. Среди признаков сходства: слабость или даже отсутствие формальных институтов, которые подменяются властью авторитетов, осуществляемой по понятиям; мощный силовой блок, играющий активную роль в бизнес-спорах; отрасли/территории кормления; требование личной преданности лидеру, ярко выраженные элементы семейственности, жесткость с нарушителями корпоративного «кодекса чести».

Сращивание власти и собственности делает неизбежными и необходимыми «серые схемы» и теневые отношения, способствует прямому и непрямому заимствованию номенклатурой принципов организации и норм теневого сообщества включая круговую поруку, «внутренний суд чести», «общаки» и т. д. Это в первую очередь характерно для силового блока номенклатуры, «крышующего» бизнес так же, как организованная преступная группировка. В ряде случаев происходит и прямое сращивание «авторитетных бизнесменов» с политической властью, особенно на уровне муниципальных образований вплоть до очень крупных²⁰.

Для нормальных механизмов селекции строилось в большей мере на меритократических принципах, а внешние механизмы обновления были более открытыми и динамичными. Однако у путинской номенклатурной системы нет ни того, ни другого. Вместо этого происходит искусственный отбор, выбраковка и выталкивание индивидуально значимых, а значит, потенциально опасных для системы людей. Подобно организму, который из-за отсутствия определенных ферментов теряет возможность усваивать нужные вещества, номенклатурная система отторгает человеческий материал, который в других условиях мог бы способствовать процветанию страны.

Нарождающаяся элита выступает естественным антагонистом номенклатуры, отсюда стремление последней любой ценой не допустить к власти самостоятельных по отношению к номенклатурной системе игроков. Так, среди множества слоев в «деле Ходорковского» системный конфликт с номенклатурой представляется более важным, чем просто перераспределение собственности; это в полной мере подтверждает и второй суд над Михаилом Ходорковским и Платоном Лебедевым.

Преследование Евгения Чичваркина — пример несколько иного рода, но и он вписывается в ту же схему системного конфликта между номенклатурой и нарождающейся самостоятельной элитой. У множества случаев отъема бизнеса общее то, что в каждом случае бизнес переходит не к более индивидуально яркому, а к более системному игроку.

Номенклатурные дети как угроза для системы

Вход и выход — два ключевых элемента любой открытой системы. Если на входе существует серьезная проблема, связанная с рекрутированием и подготовкой молодежи, то на выходе система более или менее работает, предоставляя уходящим от активной деятельности места-синекуры в государственном управлении и корпорациях. Эту же роль в какой-то степени выполняют Совет Федерации, дипломатическая служба и разного рода полугосударственные фонды для генералов в погонах или без, обеспечивающие обновление кадров по «мягкой» модели, без расстрелов и чисток.

В последнее время в систему активно встраиваются автоматические механизмы обновления: 65-летний рубеж для чиновников, 55–60-летний для генералов, возрастное ограничение для кадрового резерва (40 лет), предел в два-три срока (а где-то уже и пять лет) для федеральных чиновников в регионах включая теперь и губернаторов. Сходную роль призваны играть и механизмы ротации, когда в случае назначения губернатор, прокурор, судья и др. постепенно вводится правило «двух сроков» с последующим перемещением в другой регион.

Смена поколений уже идет: уходят «молодые» времен перестройки, происходит и приток свежей крови. Однако поскольку во многом она обеспечивает пропагандистский сегмент номенклатуры, «свежая кровь» в значительной степени представляет собой активную и амбициозную, но малообразованную группу²¹, которая нередко вызывает ассоциации со штурмовиками или хунвейбинами.

Системных механизмов для того, чтобы подняться «снизу» по карьерной лестнице госуправления, не существует. Кремлевские молодежные движения, претендовавшие на такую роль, ее не выполняют. Сделать карьеру на государственной службе удалось лишь нескольким «Нашим» и «молодогвардейцам»: Василию Якеменко, который занял пост министра по делам молодежи, Руслану Гаттарову, получившему пост сенатора от Челябинской области... При этом «нашенско»-единоросские карьеры часто подкреплены «старыми» властью и ресурсом, например, в случае видного единоросса Андрея Воробьева, сына заместителя Сергея Шойгу или другого видного партийца Андрея Турчака, нынешнего псковского губернатора и сына партнера Путина по дзюдо.

В среде управленческой элиты механизмы накопления капитала и передачи его детям — сугубо денежные. Казалось бы, произошедшая прямая конвертация власти в собственность (конвертация-1) должна была обеспечить устойчивость и относительно независимое положение элит. Этого, однако, не происходит, поскольку права собственности остаются не определенными, обогащение происходит быстро и, как правило, в обход закона, а отношения повсеместно строятся по номенклатурным «понятиям», т. е. также внеправовым образом. Без реального верховенства закона и надежной защиты частной собственности любые миллиарды — предмет, переданный в пользование, который может быть отнят. Отсюда потребность в конвертации-2 через стремительные бизнес-карьеру детей нынешних бонз, которые повально идут в банки и государственные компании.

Дети — надежный индикатор социально-политического устройства. Если дети прошлой, советской элиты стремились на Запад (МГИМО, ИНЯЗ), то дети нынешней «берут банки» и крупные бизнес-структуры²², причем это не только относительные гарантии на будущее, но и часть семейных цепочек, необходимый элемент капитализации административного ресурса родителей, легализации семейных доходов.

Именно дети номенклатурных отцов, идущие в бизнес, и выступают как могильщики системы. Бизнес, даже государственный, позволяет человеку перестать быть исключительно функцией своего поста, ломая тем самым рамку номенклатурной системы. Ведь капитал, который нельзя отобрать вместе с постом, — это независимая от поста власть и, стало быть, меньшая зависимость от системы.

В связке «отцы и дети» возникает проблема не только разрушения системы, но и поколенческой ломки. Второе поколение — самое проблемное. Меритократия (пусть и с издержками) у родителей превращается в вариант «золотой молодежи» с болезненными комплексами у детей.

Сетевые структуры

В условиях слабости институтов и публичной политической конкуренции механизмы рекрутирования элиты носят во многом сетевой характер, что отражается на ее структуре. При этом сети могут быть горизонтальные, например, «питерские», и вертикальные, например, корпоративные, а могут и пересекаться, отчего получаются сети «питерских чекистов», «питерских связистов» или «питерских либералов»²³.

Неотъемлемыми элементами сетевой структуры являются корпоративные экспансия и интрузия, в первую очередь со стороны сило-

вых структур. Экспансия силовиков может быть как отраслевой (Ольга Крыштановская и Стивен Уайт называют ее милитократией²⁴), так и территориальной. Ярким примером последней является «Боевое братство» ветеранов локальных войн и конфликтов в Московской области.

Элементы сетевых структур существовали еще в сталинское время, но тогда работающие механизмы воспроизводства обеспечивали постоянный приток во властную элиту свежей крови. В условиях «развитого нуттинизма» основным механизмом рекрутирования стал именно сетевой.

Из-за гигантской территории России крупные сетевые структуры, охватывающие всю страну, неизбежно должны быть иерархизированы. В этом случае сети превращаются в пирамиды, когда за каждой фигурой высокого уровня стоит целый ряд фигур помельче.

Пионером иерархизированных сетевых структур нового типа стали общественные приемные полпредов президента, которые начали создаваться в 2001–2002 гг. Позже к ним добавились приемные «Единой России» и приемные председателя партии.

Новые сетевые управленческие структуры полужформального типа стали появляться в 2005 г. Толчком к этому послужили массовые протесты против монетизации льгот и «оранжевая революция». Именно тогда стали создаваться сетевые структуры в гражданском обществе с Общественной палатой наверху (июль 2005 г.), окружными общественными советами (и частично общественными советами ведомств), общественными палатами в регионах и на муниципальном уровне. Сюда же можно отнести многочисленные молодежные организации, создаваемые властью: «Идущие вместе», «Наши», «Молодая гвардия “Единой России”» и др.

Примером проектных управленческих структур является Совет при президенте по реализации приоритетных национальных проектов и демографической политике (октябрь 2005 г., президиум с Дмитрием Медведевым во главе создан в июле 2006 г.) с региональными структурами, возглавляемыми губернаторами, а также, в меньшей степени, советы по местному самоуправлению, по казачеству, комиссии по модернизации.

В преддверии выборов и передачи власти были выстроены две специальные сетевые структуры, в которые на региональном уровне вошли губернаторы: Национальный антитеррористический комитет (НАК; февраль 2006 г.) и Национальный антинаркотический комитет (НАНК; октябрь 2007 г.). Они функционируют и сейчас, но пик их активности уже прошел. В 2010 г. к ним добавилась антикоррупционная вертикаль с соответствующими комиссиями.

Наряду с создаваемыми сверху сетевыми структурами, такими как Общественная палата, НАК и НАНК, которые растут сверху вниз, есть и сети другого типа, когда структура федерального уровня старается подмять под себя относительно автономные структуры в регионах. Это,

например, вариант Счетной палаты, усиливающей координационно-организационные функции в отношении региональных палат с постепенным созданием вертикали.

Номенклатурная система чрезвычайно централизована и унифицирована, любой вариант паличия корней на территории, а тем более вставания в нее, для такой системы малопринемлем. Если сетевые структуры, особенно территориальные, не ломают номенклатурную систему, то, прорастая сквозь нее, сильно ее усложняют.

Гипертрофированное развитие сетевых структур ведет к падению эффективности системы, ее загниванию, провоцирует противоестественную конкуренцию (между сетями и клиентами наподобие той, что развернулась между Генпрокуратурой и выделившимся из нее Следственным комитетом) и негативный отбор.

Квазиполитбюро. Номенклатурные и элитные вертикали

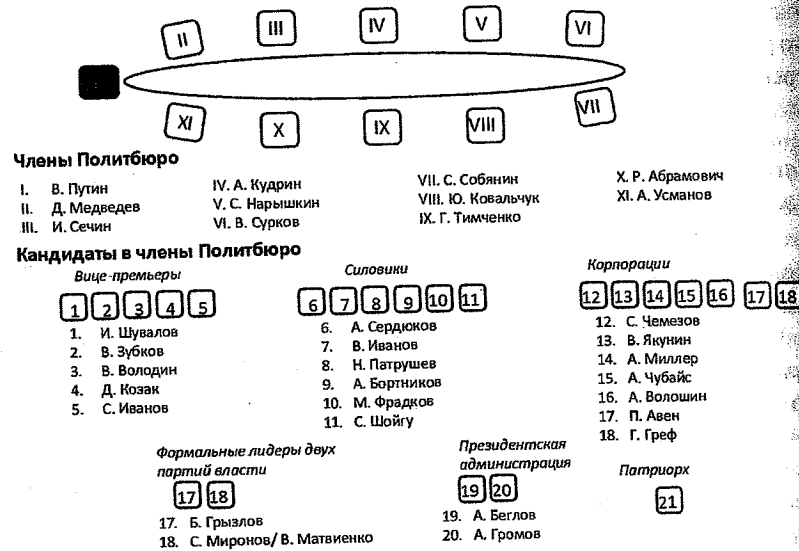
Номенклатурная система жестко структурирована по вертикали, в то время как для элиты характерна скорее корпоративно-сетевая структура. В современной России, как в криминальном мире, наряду с жестко иерархизированными «семьями» существуют механизмы согласования интересов на уровне их лидеров.

В условиях тотального контроля государства принятие решений происходит относительно просто. При многоукладности, как сейчас, возникает необходимость в разнообразных согласительных процедурах и механизмах. Здесь тантся самое слабое место нынешней номенклатурной системы. В эпоху КПСС для этого существовали формальные механизмы — бюро и пленумы партийных комитетов. Сегодня на смену им пришли механизмы неформальных коммуникаций по типу опросных голосований, активно практиковавшихся в позднесбрежневский период.

В последнее время усилились дискуссии относительно существования главного центра согласования клановых интересов. Ранее Ольга Крыштановская сравнивала Совет безопасности с Политбюро как ареной вождей. Это сравнение представляется не вполне корректным, поскольку в СССР Политбюро было вершиной мощного всевластного аппарата ЦК, а не просто группой статусных политиков, как нынешний Совет безопасности. Впрочем, если к последнему добавить президиум правительства, руководство президентской администрации и несколько государственных и частных олигархов, то, пожалуй, можно говорить о номенклатурной верхушке, совместно принимающей наиболее важные решения.

Согласно Евгению Минченко в нынешнее «политбюро» как неформальный орган коллективного руководства входят порядка трех десятков представителей административной, силовой и бизнес-элиты, из них десятков на правах членов, а остальные — в качестве кандидатов (рис. 1). Кроме того, есть и ЦК, в который входит еще несколько десятков человек, находящихся, как правило, в орбите членов и кандидатов в члены «по-

РИС.1 Путинская элита-2011. Модель политбюро (по Е. Минченко)

Источник:

Gaddy C. G., Ickes B. W. Russia After the Global Financial Crisis // Eurasian Geography and Economics. — 2010. — Vol. 51. — № 3. — P. 281–311.

литбюро»²⁵. Этой схеме недостает функциональности. Она описывает не столько менеджеров, сколько собственников — акционеров крупной корпорации, которые могут и не заниматься управлением в регулярном режиме, а лишь вмешиваются в него по мере необходимости. Менеджерами здесь являются представители крупных акционеров в правительстве и администрации президента, осуществляющие оперативное управление.

Интересно замечание Владимира Прибыловского, что «в отличие от Политбюро КПСС состав политбюро партии «Путинская олигархия» никогда вместе не собирается. Члены и кандидаты в члены этого политбюро участвуют в принятии решений путем индивидуальных встреч с генсеком-

первоолигархом (вертикаль), вырабатывают свои советы и рекомендации на клановых посиделках (горизонталь). Это все-таки в большей степени большой королевский совет феодального монарха, чем политбюро тоталитарного генсека»²⁶.

В дополнение к схеме «путинского политбюро», в которой представлены главные акционеры и менеджеры системы, участвующие в выработке основных решений, продемонстрируем и другие схемы. На них также изображено устройство ядра путинской элиты, но с использованием других методологических принципов. На одной — модель устойчивых бизнес-политических кланов (башен Кремля), а другая — «планетная», в которой элиты описываются не столько через устойчивые связи друг с другом, сколько через их положение относительно Путина, который играет роль центра всей системы.

Модель кремлевских башен

Одним из вариантов структурирования элитного пространства является выделение групп на основе устойчивых бизнес-, родственных, карьерных и прочих связей. Представленная модель с четырьмя башнями и пятью башенками (или подъездами) максимально генерализована. Это структура первого порядка, которую можно дробить на более мелкие.

На схеме видны бизнес-политические кланы, обозначенные именами наиболее влиятельных и сильных из входящих в них фигур, а также доминирующих корпораций. В состав кланов включены фигуры разного уровня из сферы государственного управления и бизнеса. Почти все кланы имеют определение «питерский», что отражает современные политические реалии.

Объединение под одной крышей весьма разных фигур отнюдь не означает, что все они связаны близкими отношениями. Выделенные кланы имеют сложносоставную, иерархизированную структуру и не исключают ни внутреннюю конкуренцию, ни возможность союзов с «внешними» игроками. Эти союзы были в свое время описаны Прибыловским применительно к коалициям вокруг различных кандидатов на пост премьера в 2008 г.

Планетная модель

Если «башенную» модель можно назвать генетической, поскольку акцент в ней делается на родственные и бизнес-связи, то планетная модель скорее позиционно-функциональная. В каждый момент времени отдельные планеты, вращающиеся вокруг Путина — центра системы, могут образовывать ситуативные группы, но через некоторое время их может развести в разные стороны, и картина поменяется. Первый круг, определяющий политику, — это те, кому Путин доверяет, с кем регулярно встре-

чается и обсуждает проблемы и планы, с кем разрабатывает и реализует бизнес-проекты. Это «коллективный Путин». Второй круг образуют те, с кем Путин советуется (или выслушивает их мнение), кто всегда может с ним связаться напрямую, договориться о встрече, попросить о помощи и ее получить. Третий — «доверенные слуги», которые, однако, в любой момент могут выпасть из обоймы, и на которых, в отличие от обитателей двух первых кругов, не распространяется гарантия непоколебимости статуса.

Планетная система не статична, но динамика в ней своеобразна и может быть описана скорее в терминах «входа» и «выхода», чем перехода с орбиты на орбиту. Переходы практически никогда не происходят. Вариантов выхода тоже два: почетный — в «отставники», с гарантиями защиты (например, в случаях бывшего главы президентской администрации Волошина или бывшего премьера Фрадкова), или позорный — в «предатели», без всяких гарантий (например, в случае бывшего премьера Касьянова или бывшего главы ФСКН Черкесова).

Заметим, что приведенные схемы являются не столько альтернативными, сколько комплементарными. Они дополняют друг друга, акцентируя внимание на разных чертах/особенностях организации элиты и разных аспектах ее функционирования.

Госсовет, его президиум и аналогичная последнему комиссия премьер-министра обеспечивают взаимодействие между федеральными и региональными элитами. «Единая Россия» в лице ее региональных и надрегиональных структур — скорее переговорная площадка для бизнес-политических кланов, а также для верхнего и низового уровней, чем вертикаль, пронизывающая все уровни. К тому же партия не представлена ни на самом вершине, ни в самом низу. Однако эти отличия покажутся принципиальными. В советское время вертикали тоже не были равноценны: помимо основной партийной и чекистской была еще и вспомогательная, исполкомовская. Теперь основной является административная, по преимуществу чекистская вертикаль, а партийная — вспомогательной.

В советское время номенклатурная система была вариантом иерархизированного территориального контроля за корпоративным управлением. Примерно так же дело обстоит и сейчас. В этом смысле госкорпорации — это, с одной стороны, тиражирование удачного с точки зрения власти опыта «Газпрома», а с другой — римейк советских министерств — хозяйственных корпораций.

Неоднородность элит

Разные сегменты и страты элиты развиваются неравномерно. Для части бизнес-элит характерны динамичность, большая открытость, ориентированность на западные стандарты; силовым, наоборот, присуща максимальная закрытость; управленческие оказываются где-то между ними. Что касается собственно политических элит, то в последние годы они утратили самостоятельность, превратившись в форму существования бизнес-административных элит. Имеет место и естественный отбор: в среде бизнес-элиты больше открытой конкуренции, четче критерии эффективности, выше качество человеческого материала.

Представление о том, что следствием минимизации публичной политики стало выклинивание политических элит с замсой их силовиками, не совсем точно. Выклинивание поначалу действительно произошло, но затем те силовики, которые заступили на место если не политической, то административно-политической элиты, в значительной мере переняли функции своих несилловых предшественников включая в определенной степени противостояние бывшим коллегам, которые остались силовиками. Дело здесь в эффекте регенерации, как у дождевого червя, когда отрезанная часть тела восстанавливается вместе со своими функциями. Другое дело, что в отсутствие публичной политики и в силу полувоенной ментальности перешедшие на «гражданку» силовики привнесли в новую для себя сферу модели поведения из старой. В этом, собственно, и заключается суть «милитократии».

Внутри элиты существуют и поколенческие различия, не столько возрастные, сколько генетические. Все последние годы шло выдавливание из действующей элиты (особенно сильно это затронуло губернаторский корпус) тех, кто имел опыт публичной политической деятельности. Это означает, помимо прочего, что действующие элиты все менее готовы к прямому диалогу с гражданами и что при восстановлении публичной политики шок и отсев среди них будут такими же, как в конце 1980-х годов.

Наряду с социальными лифтами, действующими внутри страты, есть и «дорожки»: бизнес, государственное управление, политика (пока выклинилась). Новое здесь заключается не столько в самих переходах лиц с одной такой дорожки на другую, сколько в существенно увеличившейся частоте и возвратности подобных переходов. Есть и перетоки-переливы между сегментами и стратами, миграции и перекрестное опыление.

Неоднородность элит в последние годы усиливается, но не в этом главная проблема. Проблема в многоукладности и наличии противоречий между отдельными элементами и блоками. Относящиеся к трем

принципиально разным системам — элитной, номенклатурной и феодальной системе кормления (в отношении корпораций и регионов), — эти блоки аки лебедь, рак и щука тянут в разные стороны.

Региональная составляющая

Процессы трансформации региональных элит во многом определяются тем, что в 2000-х годах регионы превратились из закрытых систем в открытые. Одновременно значительно возросла мобильность элит как между регионами и Москвой (в обе стороны), так и между регионами. Замещение относительно автономных и укорененных фигур в региональной политической элите московскими назначениями носит системный характер.

Для региональных элит характерны разрушение автаркичности и активное перемешивание. Во многом это связано с назначениями губернаторами «варягов», вслед за которыми в регион приезжают целые команды управленцев со стороны. В последнее время активно идет присадка «московской крови» — в региональных администрациях большими группами появляются москвичи, работающие по вахтовому методу. Особенно это характерно для политического блока администраций. Во многих случаях в результате региональные элиты выигрывают: там, где присадка плоха, местные консолидируются против «варягов», где хороша — легируются. Серьезная проблема заключается в том, что административных менеджеров-вахтовиков отличает психология временщиков: поскольку они никак не связаны с регионом, у них по определению другой горизонт планирования.

Различия в степени укорененности ключевых фигур в региональной политической и управленческой элите представлены в табл. 1. Из этих данных видно, что наиболее укорененным из статусных федеральных назначенцев является секретарь исполкома «Единой России», у которого при этом минимальный стаж пребывания в должности и, пожалуй, минимальный вес. Глава региона — фигура с максимальным после судьи стажем, во многих случаях он уже не является выходцем из местной элиты, а силовики и правоохранители практически не связаны с ней вовсе.

Экспансия корпоративной организации элиты на региональном уровне за счет территориальной (здесь элита превращается в кадры) происходит в том числе путем последовательного «обезглавливания» региональных элит, лишения их естественных лидеров — авторитетных фигур, представляющих интересы всей региональной элиты в Центре. Первоначально в таком качестве выступали главы регионов, потом, когда главы стали назначенными, причем на этих позициях все чаще стали

оказываться новые в регионе фигуры, неформальная роль старшины перешла к спикерам региональных парламентов и мэрам столиц. С принятием в 2010 г. курсом на замещение позиций спикеров секретарями региональных политсоветов «Единой России» и самостоятельность, авторитетность и длительность пребывания на посту существенно сократились. Переход от системы прямо избираемых мэров региональных столиц к модели сити-менеджеров делает и мэров уходящей натурой.

ТАБЛИЦА 1. Ключевые позиции в регионах: укорененность и продолжительность службы по состоянию на 1 января 2011 г.

Позиция	Связь с регионом	Стаж
Глава региона	3,9	5,1
Главный федеральный инспектор	3,2	3,6
Глава управления (министерства) внутренних дел	1,5	3,6
Прокурор	1,7	3,8
Глава следственного комитета	3,6	2,7
Глава управления ФСБ	1,3	2,7
Председатель регионального суда	3,8	8,2
Секретарь исполкома «Единой России»	4,7	2,5
<i>Сумма</i>	<i>2,9</i>	<i>4,1</i>

Примечание. Укорененность: 1 — «варяг», до назначения не связанный с регионом; 2 — человек со стороны, связанный с регионом лишь этнически или по рождению; 3 — человек со стороны, укорененный в регионе, проработавший там какое-то время до назначения; 4 — «свой», представитель местного истеблишмента, проработавший перед назначением в другом регионе; 5 — «свой» полностью, поднявшийся по карьерной лестнице в регионе.

Наряду с появлением нового исчезает что-то старое. Так, практически исчез существовавший в советское время и некоторое время после него механизм регионального «пэрства», когда глава региона, уходя с поста, занимал высокую должность в центральном аппарате, обеспечивая более прочную связь между федеральной и региональной элитой. Об отставленных региональных начальниках Москва за редкими исключениями заботы не проявляет — разве что кого-то направляют в Совет Федерации, но обычно это не более чем часть «пакета по уходу с должности». Здесь отчасти действует расчет на механизм кормления, предполагающий, что каждый губернатор должен позаботиться о себе сам, создав бизнес-задел в годы службы.

Что дальше?

В рассматриваемом десятилетнем временном горизонте системные противоречия между элементами «элиты» и элементами «номенклатуры» усиливаются, и их мирное сосуществование все более затрудняется. Пропорции неизбежно будут меняться в ту или иную сторону. В подвижке последнего времени номенклатурные элементы, пожалуй, преобладают. Это и демонтаж выборов: сначала губернаторских, а теперь и мэров. Это и восстановление механизмов горизонтальной ротации руководителей большинства федеральных структур в регионах, и полностью номенклатурная система кадрового резерва. На стороне элитизации, пожалуй, лишь семейственность и капитализация начальственного статуса с передачей капитала родственникам и вывода его из-под контроля системы. Впрочем, уже одного этого может оказаться достаточно для того, чтобы разрушить систему изнутри.

Итоговая динамика определяется рядом ключевых факторов и процессов:

- возможностями разрешения нарастающих противоречий и конфликтов, прежде всего поколенческого, а также между тремя главными фракциями элиты: силовой, гражданской управленческой и бизнес-элиты;
- способностью системных механизмов включая блок воспроизводства элиты к самоусовершенствованию в целях выживания;
- естественно идущей десоветизацией, как ментальной, в головах, так и институциональной.

Рассмотрим перечисленные факторы более подробно.

Поколенческий конфликт между пришедшими всерьез и, главное, не долго отцами и их взрослыми детьми может развиваться тремя путями:

- «потерянное поколение»: в ситуации свободного миграционного оттока потеря поколения может иметь гораздо более серьезный и длительный эффект;
- полная (революционная) замена отцов детьми;
- частичная замена отцов детьми — вращание.

Хуже с *конфликтом между фракциями*: доминирование силовой (а в ней чекистской) фракции в рамках номенклатурной системы не может быть изжито эволюционным путем и в конце концов приведет ее к краху; однако если номенклатура будет трансформироваться в элиту, система может, пусть небезболезненно, перерасти этот порок.

Системе предстоит выстроить механизм воспроизводства включая подбор, обучение и выбраковку кадров. Сейчас это наиболее узкое место, поскольку отсутствуют нормальные выборы как внешний и публичный механизм конкуренции. Те механизмы, которые внедрены в порядке экс-

перимента (кадровый резерв и работа с ним, квазипраймериз «Единой России», «Наши»), далеки от эффективности и даже от простой работоспособности. Между тем постепенная деградация советской образовательной инфраструктуры в какой-то момент приведет к ее полному обвалу, окончательно лишив систему кадрового ресурса.

Нынешней элите предстоит дальнейшее вырождение. Ее замена и существенное обновление представляются неизбежными. Добровольное обновление предпочтительнее, поскольку в этом случае обеспечиваются элементы преемственности и обучения.

Через десять лет произойдет и естественное обновление элиты. В 2020 г., через тридцать лет после развала СССР, практически не останется людей, сформированных и вошедших в состав элиты в советское время. Однако поскольку советский механизм не демонтирован и продолжает действовать, наблюдается, с одной стороны, воспроизводство элементов номенклатурного сознания, а с другой — утрата инстинктов самозащиты, которые пока сохраняются у тех, кто вырос в СССР.

Как ситуация будет выглядеть при инерционном сценарии? Заметим, что инерция — это не сохранение нынешних параметров системы, а стремительное их ухудшение. Этот процесс включает в себя падение качества в силу отсутствия механизмов конкуренции, что приводит к негативному отбору и деградации, а также прогрессирующее вымывание наиболее активной и самостоятельной части граждан за границу. Следствием инерционного развития являются также расширение корпоративно-сетевых механизмов рекрутирования (как, скажем, экспансия «питерцев» и «чекистов») за счет всех остальных и архаизация с клановостью, семейственностью и приоритетом лояльности над эффективностью.

Из позитивных трендов можно отметить лишь перемешивание: корпоративное (между гражданской управленческой элитой и бизнес-элитой) и территориальное (между регионами страны).

В целом это ведет к существенному снижению качества элиты и снижению ее эффективности.

Ослабевают также и контрэлиты: оттого, что не происходит регулярного чередования элит у власти, они маргинализуются. Кроме того, в отсутствие притока в элиту извне сужается ее воспроизводство.

Слабость конкуренции внутри действующих элит и маргинализация контрэлит — главные проблемы для системы. Нынешним элитам угрожают не их противники, но деградация — в их собственном поколении и поколении их детей с перспективой утраты власти вследствие ее неэффективного использования. Деградация «естественная», вызванная отсутствием публичной конкуренции и инбридинга, усиливается негативным отбором. Есть и зеркальное отражение проблем: если существующая элита не соответствует своему предназначению и неконкурентна,

она мешает продвижению более достойных. Негативный эффект здесь двойной: потенциал общества в целом остается не полностью реализованным, а из страны уходят наиболее деятельные и предприимчивые, накапливаются внутренние напряжения.

Накопление всех этих проблем и внутренних противоречий при инерционном сценарии может привести к обвалу.

Как повлиять?

Кадровый блок политической системы не способен сохраниться в нынешнем виде и уж тем более не способен прожить еще десять лет. Гибрид номенклатуры и элиты, лежащий в его основе, нежизнеспособен даже в среднесрочную перспективу, его так или иначе ждет слом.

Возможны два основных варианта:

- демонтаж сохраняющихся частей номенклатурной системы;
- доведение ее до способности к самовоспроизводству, подчинения интересам системы в целом.

Все упирается в блок контроля: либо внешний, государственный — для укрепления номенклатурной системы, либо внутриэлитный — для укрепления элитной системы.

Работающая номенклатурная система, как паровая машина, неэффективна, но вполне функциональна. Если пытаться эту систему сохранить, то придется оснастить ее механизмами внешних чисток, без которых она обречена на быструю деградацию. К этому не готовы ни элита, ни лидеры: нет ни политической воли, ни необходимых ресурсов. Принимаемые паллиативные меры, как, скажем, введение элементов искусственной конкуренции, будь то квалификационные требования для перехода на определенный уровень или факультативные праймеризы, кардинально решить проблему не могут. Равным образом проблема не решается путем подмены выборов социологическими опросами — они могут лишь задержать деградацию. Без разрушения номенклатурной системы переход к системе публичной конкуренции невозможен. Для встряски и поддержания постоянной формы необходимы выборы и разделение властей.

Для повышения качества элиты и уровня ее профессионализма мало прекратить практику присадки силовой элиты в управленческую, необходима присадка бизнес-элиты как наиболее динамичной и продвинутой. Следует расширять и приток гражданских лиц в руководящие структуры, как это происходит с Министерством обороны.

Необходимо усиливать элемент корпоративности и территориальности в связке с публичностью: речь может идти об офицерских собор-

ниях, коллегии судей, Ассоциации юристов России, ассоциации государственных служащих... Нужно развивать корпоративную ответственность с поддерживающими ее институтами: судами чести, репутацией, корпоративными званиями, знаками отличия... Избавиться от диктата должностной рамки можно с помощью создания других рамок: корпоративных разного плана и территориальных. Ряд социальных сетей (однокурсников, членов профессиональных корпораций, прихожан и др.) может быть выведен за виртуальные рамки. Указанные меры могут способствовать регенерации социальной ткани, сейчас крайне неплотной.

Необходимо усилить автономность отдельных представителей элиты, ликвидировать их зависимость от вышестоящего начальника с помощью системы квалификационных экзаменов как основы продвижения по службе. Должны быть четче проработаны нормативные сроки нахождения в должности и ротации. Необходимо восстанавливать и расширять элементы выборности включая прямые выборы на разные позиции на основе волеизъявления граждан, а также свободные не прямые выборы.

Особое внимание должно быть уделено образованию и воспитанию. Следует создавать и поддерживать традиции, в том числе и семейные, и должностные²⁷. Образно говоря, надо ввести высокий налог на наследование статуса, сделав последнее официальным, выведя его из тени. Необходимо создавать и внедрять принципиально иную систему мотивации, стимулов, как позитивных, так и негативных.

Наконец, элита — это и продукт работы системы, и важный фактор, определяющий эту работу. За руль «Жигулей» можно посадить кого угодно — хоть Михаэля Шумахера, но вряд ли следует ожидать побед в гонках. Изменения в элите должны происходить одновременно с изменениями в политической механике. При этом должна быть обеспечена способность той и другой систем к саморазвитию.

Примечания

- 1 Здесь и далее речь идет прежде всего об управленческой элите.
- 2 В свое время использование этого термина предлагал Петр Кропоткин для обозначения властной элиты вообще. Здесь же акцент делается на том, что принадлежность персоны к элите определяется внешними по отношению к ней факторами: должностью, которую можно дать, а можно забрать.
- 3 В сентябре 2005 г. глава дома Романовых великая княгиня Мария Владимировна удовлетворила просьбу Владимира Стржалковского о подтверждении его потомственного дворянства, а также потомственного дворянства его сестры и сына Евгения (одновременно было даровано дворянство еще нескольким выходцам из КГБ/ФСБ, в частности, директору ФСБ Николаю Патрушеву, бывшему директору ФСБ Сергею Степашину, а также подтвер-

дено дворянство вдовы и дочерей Анатолия Собчака). Забавно, что именованные Патрушев, поздравляя как-то сотрудников возглавлявшейся им ФСБ с Демократическим переворотом, назвал их «новым дворянством». У него этот термин позаимствовал Андрей Солдатов и Ирина Бороган в качестве названия для своей книги о ФСБ: *Soldatov A., Borogan I. The New Nobility: The Restoration of Russian Security State and the Enduring Legacy of the KGB*, — [S. I.]; Public Affairs, 2008. Русский перевод: *Солдатов А., Бороган И. Новое дворянство: Очерки истории ФСБ*: Авториз. пер. с англ. — М.: Юнайтед Пресс, 2011.

- 4 Следует заметить, что разные части старой номенклатурной системы в разной степени подверглись изменениям в эти годы. В наименьшей степени эти изменения затронули более закрытые правоохранительные органы и особенно ФСБ, которые отчасти сыграли роль «заповедников», сохранивших номенклатурные механизмы и правила в период перемен и впоследствии способствовали их рекултивации в остальных сферах.
- 5 См., например: *Восленский М. С. Номенклатура: Господствующий класс Советского Союза*. — М.: Совет. Россия; Октябрь, 1991 (<http://www.gosplan.parod.ru/T700.htm>).
- 6 Вертикалей всегда несколько, основной в советской номенклатуре была партийная, сейчас скорее фээсбэшная.
- 7 Например, в связи с приходом в 1969 г. председателя КГБ Азербайджана Гейдара Алиева на пост первого секретаря республиканского ЦК, за три года на руководящие номенклатурные должности в республике были назначены две тысячи сотрудников КГБ. От изменения имен отдельных элементов системы сама она практически не изменилась, и даже коррупция, с которой таким образом пытались бороться, очень скоро превысила прежний уровень (*Земцов И. Партия или mafia: разворованная республика*. — Paris: Les Editeurs Reunis, 1976).
- 8 В 1921 г. в наброске плана брошюры «О политической стратегии и тактике русских коммунистов» (напечатанном впервые в 1952 г.) Сталин дал такое определение партии: «Компартия как своего рода орден *меченосцев* внутри государства Советского, направляющий органы последнего и одухотворяющий их деятельность».
- 9 Согласно объяснениям главы президентской администрации Сергея Нарышкина он и Владислав Сурков определили порядка двух сотен экспертов уважаемых людей, имена которых, однако, не обнародованы. Все делалось абсолютно не публично. Каждый из этих экспертов составил список тех, кого он считал наиболее достойными людьми. А потом эти списки свели воедино с заявленной целью формирования президентской тысячи. Вначале выбрали сотню самых положительных, самых привлекательных людей и объявили что это и есть кадровый резерв президента. Всю тысячу предьявить так и не удалось, но в самом конце 2009 г. вместо нее появился дополнительный список пятисот человек. С некоторыми из этих «резервистов» ведется определенная работа (курсы обучения, проведение разного рода встреч с высокопоставленными чиновниками, дискуссий). Потом, однако, все свелось к формальному отчету о назначениях и карьерном росте людей из их числа.
- 10 Интервью Сергея Собянина «Эху Москвы» 16 марта 2011 г. (<http://www.echo.msk.ru/programs/beseda/750466-echo>).
- 11 Это бывший иркутский губернатор Александр Тишанин (2005–2008 гг.) — двоюродный свояк Владимира Якунина (сейчас в руководстве РЖД), Алексей Кузьмин

кий (2007–2011 гг.), бывший губернатор Камчатской области, согласно ряду публикаций родственник Виктора Иванова, амурский губернатор Николай Колесов (2007–2008 гг.), приземлившийся в «Ростехнологиях».

- 12 Сергей Дубик — начальник управления президента России по вопросам государственной службы и кадров, его брат Николай Дубик, однокурсник Игоря Шувалова, — начальник юридического департамента «Газпрома», исполнительный директор «РосУкрЭнерго».
- 13 Анатолий Турчак, занимавшийся дзюдо вместе с Путиным, — президент холдинговой компании «Ленинец» и глава Союза промышленников и предпринимателей Санкт-Петербурга; Андрей Турчак, бывший лидер «Молодой гвардии «Единой России», — губернатор Псковской области.
- 14 Юрий Воробьев — бывший заместитель главы МЧС, вице-спикер Совета Федерации, его сын Андрей — председатель центрального исполнительного комитета «Единой России».
- 15 Аркадий Ротенберг, занимавшийся дзюдо вместе с Путиным, бывший гендиректор созданного по инициативе последнего и Геннадия Тимченко спортивного клуба «Январь-Нева», — владелец компании «Стройгазмонтаж», работающей по подрядам «Газпрома»; его брат Роман Ротенберг — бизнесмен, совладелец банка «Северный морской путь», вице-президент Федерации дзюдо России; сын Аркадия Игорь — директор департамента имущества РЖД; сын Романа Борис — топ-менеджер «Газпромэкспорта».
- 16 На федеральном уровне это, пожалуй, только Валерий Зорькин и Сергей Степашин.
- 17 Нувориш — нувопувуар (от *nouveau pouvoir*).
- 18 Здесь показательна история бизнесмена Матвея Урина, чьи охранники в ноябре 2010 г. на Рублевке избили водителя подрезавшей его машины, оказавшегося связанным с «Газпромом» и, по слухам, с семьей Путина. За арестом Урина и его охранников последовал отзыв лицензий не только у охранного агентства, но и у пяти уринских банков, в работе которых были обнаружены серьезные нарушения.
- 19 Назовем бывшего министра юстиции Валентина Ковалева (уволен в 1997 г.), бывшего генерального прокурора Юрия Скуратова (в 1999 г.), бывшего премьера Михаила Касьянова (в 2004 г.), бывшего мэра Москвы Юрия Лужкова (в 2010 г.), каждый из которых за нарушение корпоративных правил подвергся уголовному преследованию или обвинялся в уголовных преступлениях.
- 20 Последний год дал множество примеров такого рода включая станицу Кушевскую, Гусь Хрустальный, Энгельс, Астрахань.
- 21 Здесь можно назвать Вячеслава Володина, братьев Бориса и Василия Яценко, Алексея Чеснакова, Валерия Федорова, Алексея Чадаева, Виталия Иванова. Список легко может быть продолжен.
- 22 Младший сын вице-премьера Сергея Иванова Сергей — заместитель председателя правления Газпромбанка, старший сын Александр — директор департамента во Внешэкономбанке, там же работает и Петр Фрадков — сын экс-премьера, сын директора ФСБ Александра Бортникова — председатель правления «ВТБ Северо-Запад»; сын Валентины Матвиенко Сергей был вице-президентом Внешторгбанка, вице-президентом и совладельцем бан-

ка «Санкт-Петербург» (до июля 2010 г.), сын Николай Платонович — председатель правления Россельхозбанка, сын Юрий Борисович — председатель правления ИНТЕР РАО ЕЭС, сын Владимир Андреевич — генеральный директор аэропорта «Пулково», сын Евгений Андреевич — глава инвестиционной компании «Venture Yield Management». Прямое наследование с передачей поста и распределением руководящих позиций по семьям/кланам происходит только на Кавказе.

- 23 Прекрасным примером проектного объединения, все участники которого выросли в крупнейших государственных деятелях и бизнесменах, является кооператив «Озеро», в число учредителей которого входят Владимир Путин, Андрей и Сергей Фурсенко, Владимир Якуниц, Юрий Минченко.
- 24 См., например: *Kryshchanovskaya O., White S. Putin's Millitocracy*. *Affairs*. — 2003. — Vol. 19. — № 4. — Oct.—Dec. — P. 289—300.
- 25 <http://www.rosbalt.ru/moscow/2010/12/09/799055.html>
- 26 <http://minchenko.ru/blog/ruspolitics/2010/12/10/ruspolitics/2010/12/10/ruspolitics/2010/12/10/ruspolitics/>
- 27 Интересно, что в большинстве министерств, ведомств и подведомственных учреждений с недавних пор появились портретные галереи руководителей, прослеживаемых вглубь истории, до екатерининских времен. Подобно тому, как в моде, более чем следование моде, но соотнесение руководителей с историческими фигурами способствует росту и чувству ответственности.

ВОЛЮЦИЯ ГРАЖДАНСКОЙ АКТИВНОСТИ

Фридрих Ницше

*Всему готовому, совершенному поклоняются,
все становящееся недооценивается.*

Фридрих Ницше¹

Одним из главных отличий сегодняшнего политического режима от предыдущего является конституционно закрепленная свобода объединений. Выдвигается в первую очередь политических партий, но также и гражданских организаций, которые насчитывают уже несколько сот тысяч. Автономные, т. е. независимые от государства, объединения будут считаться здесь как основной элемент гражданского общества.

Большинство ученых, политиков, экспертов, использующих понятие «гражданское общество», подразумевают социальное пространство, возникающее между индивидами, семьями, с одной стороны, и государством — с другой. Речь идет о людях, добровольно объединяющихся с целью совместного осуществления общественно полезной и благотворительной деятельности. Подобное определение предполагает, что гражданское общество не включает в себя организации, занимающиеся экономической деятельностью.

При этом неважно, как именно эти организации институционализируются: объединение не обязательно должно быть юридически оформлено, т. е. может функционировать, не получая «добро» от государства. Гражданское общество принципиально строится на добровольности, оно автономно по отношению к государству и принципиально не структурировано; его состав постоянно меняется, отчего оно отличается большим разнообразием.